

Сергей Струченко

**Дорога без
конца**

Сергей Стаценко

Дорога без конца

<https://litres.ru/74066023>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он помнит две жизни. Он знает, что такое любовь, которая длится дольше одной смерти. Знает, что смерть — не стена, а дверь.

Но в третьей жизни он рождается там, где нет ни любви, ни тишины. Только запах перегара, крики за стеной и страх, который поселяется в теле раньше, чем он учится говорить.

Как остаться собой, когда мир вокруг — тьма? Как не разучиться любить, когда тебя не любят? Как сохранить свет внутри, когда снаружи его не дают?

Это книга о том, что будет, если помнить, — когда память не спасает, а жжёт. О том, как мальчик из неблагополучной семьи становится странником. О тех, кого он встречает на пути.

Третья книга трилогии, начатой романами «Не сказано — значит прожито» и «Сансара: возвращение в новое тело». История души, которая прошла через тьму — и осталась собой.

· ## · # · ## ·

Дао. Безмолвие. Жизнь. Сансара. Путь.

Сергей Стаценко
Дорога без конца

Введение# · ## · #Дао · Сансара · Путь

Говорят, душа приходит в мир, чтобы учиться.

Но чему можно научиться, когда тебя бьют? Чему учит холод? Чему учит страх, который живёт в теле годами, сворачивается в животе, стоит у порога и не уходит, даже когда всё тихо?

Я помню две жизни. Одну — мужскую. Одну — женскую. Я знаю, что такое любовь. Знаю, что такое тишина, в которой больше смысла, чем в любых словах. Знаю, что смерть — не стена, а дверь.

Но это знание не спасло меня от третьей жизни. Оно только сделало боль глубже. Потому что я помнил свет — и оказался во тьме.

Есть такой соблазн: думать, что Дао # — это покой. Что если ты постиг Путь, то жизнь становится плавной, как течение реки. Что мудрец не страдает. Что просветлённый не плачет.

Это неправда.

Дао — это не только мирная гладь воды. Дао — это и шторм. И волны, которые бьют о берег. И камни на дне, о которые разбивается лодка. Всё это — тоже Дао. Не ошибка. Не наказание. Просто путь.

Я не выбирал семью, в которой родился в третий раз. Я не выбирал запах перегара, который стал моим первым вос-

поминанием. Не выбирал крики по ночам и тишину, которая была страшнее криков. Но я выбрал — не тогда, а позже, много позже, — как пройти через это. И кем стать на выходе.

Эта книга — не о том, как страдать. И не о том, как «победить» тьму. Тьму нельзя победить. С ней можно только встретиться. Признать её частью пути. И идти дальше.

Я стал паломником # (син). Не потому что искал истину — она уже была во мне. А потому что истина, которую не прожить телом, остаётся просто словами. Красивыми, но пустыми.

Я шёл пешком. По земле. Без карты. Без цели. Я встретил людей — разных, сломанных, ищущих. Я встретил волка без глаз. Я болел и был на грани. И где-то там, на грани, понял: путь — это не то, что ты проходишь. Путь — это то, чем ты становишься.

Если первая книга была о возвращении к себе, а вторая — о встрече, то эта — о пути через тьму. О том, что свет не всегда снаружи. Иногда — только внутри. Но его достаточно.

Я не знаю, сколько ещё будет кругов. Но этот круг я прошёл. Не как герой. Не как мудрец. Как человек, который помнит. Который идёт. Который остался собой — даже когда всё вокруг говорило: «Стань другим. Стань твёрже. Стань злее. Выживай».

Я не стал. Я выжил иначе.

Об этом — книга.

«Достигни предела пустоты. Сохраняй совершенный по-

кой. Все вещи возникают вместе, и я вижу, как они возвращаются».

#####

— Дао Дэ Цзин, глава 16

Сергей Васильевич Стаценко

Предисловие# (Тьма)

Я не хотел писать эту книгу.

Первую — да. Она сложилась сама, как река, которая нашла русло. Вторую — да. Она была продолжением, встречей, узнаванием. Но третья — третья долго лежала во мне, как камень на дне. Я знал, что однажды придётся её поднять. Знал — и откладывал.

Потому что писать о тьме трудно. Особенно когда ты её видел. Особенно когда ты её помнишь.

Но я помню не только тьму.

Я помню две жизни до неё. Мужскую и женскую. Помню любовь, которая длилась дольше одной смерти. Помню тишину, которая была не пустотой, а полнотой. Помню руки, которые держали меня, когда я уходил, и голос, который сказал: «Мы ещё встретимся».

В третьей жизни этого не было.

Было другое. Запах. Крики. Холод. Страх, который поселился в теле раньше, чем я научился говорить. И тишина — не та, что лечит, а та, что предшествует буре.

Эта книга — не о том, как я справился. И не о том, как нужно справляться. Я не учитель. Я просто тот, кто прошёл. Кто помнит. Кто выжил — не сломавшись, хотя мог.

Я написал эту книгу для тех, кто тоже помнит. Для тех, кто знает, что такое читать настроение по шагам в коридоре.

Для тех, кто прятался. Для тех, кто стыдился дома, в котором живёт. Для тех, кто думал: «Со мной что-то не так».

С вами всё так. Это с миром иногда не так. Но мир — это ещё не всё. Есть Дао #. Есть путь # (син). Есть свет, который не гаснет.

В конце этой книги я встретил волка. Без глаз. Он лёг мне на колени — не как зверь, а как душа, которая устала бороться. Я не вылечил его. Просто был рядом. И он выжил. И ушёл. А я пошёл дальше.

Мы встретимся снова. Я знаю.

А пока — вот эта книга. Читайте её медленно. С паузами. С тишиной. Она не развлекает. Она свидетельствует.

И если вы узнаете в ней себя — знайте: вы не одни. Кто-то уже прошёл этот путь. И оставил следы.

«Одинок я в этом мире, непохожий на других...»

#####

— Дао Дэ Цзин, глава 20

Сергей Васильевич Стаценко

Часть I. Рождение в бурюГлава

1. Новое тело, старая память#

Я помню всё.

Это не дар. Это бремя. Ты рождаешься — беспомощный комочек плоти, который даже голову не может держать, — а внутри тебя уже живут две жизни. Мужская и женская. Долгие. Полные. Со своими ямами, возвращениями, любовью и потерями.

И ты помнишь.

Помнишь, как пахло в первой жизни — молоком, травами, кожей отцовского ремня, который никогда не применяли, но он висел на гвозде как символ порядка. Помнишь, как пахло во второй — духами матери, тополиными почками, книжной пылью.

А здесь пахло по-другому.

Первый запах, который я вдохнул в этой жизни, был спирт. Не медицинский — тот, что в больнице, — а другой. Тяжёлый, кислый, въедливый. Он шёл не от стен, а от человека. От отца. Он наклонился надо мной — большой, краснолицый, с мутными глазами, — и выдохнул:

— Пацан. Здоровый.

Пацан. Значит, мальчик.

В этой жизни я был мальчиком. В позапрошлой — тоже. Только между ними была женская жизнь, и я знал, что зна-

чит быть девочкой. Знал, как это — когда тебя оценивают. Знал, как это — когда от тебя ждут мягкости. Теперь я снова был мальчиком. Но в этом доме от мальчика ждали не мягкости. От него вообще ничего не ждали. Он просто был. Как мебель. Как кошка. Как пустое место.

Мать лежала на кровати, отвернувшись к стене. Она не плакала — кажется, у неё уже не было слёз. Она просто лежала и молчала. Я не видел её лица, только спину — сгорбленную, усталую, в застиранном халате. От неё тоже пахло. Но по-другому. Усталостью. Покорностью. Чем-то горьким, что не имело названия.

Я лежал в кроватке — старой, скрипучей, с облупившейся краской — и смотрел в потолок. Там были трещины. Они расходились от угла, как паутина. Как карта несуществующей страны.

Я помнил другие кроватки. Чистые. Светлые. С розовыми пелёнками и погремушками. Здесь не было ни розового, ни погремушек. Здесь была серая простыня и подушка без наволочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.